

СУЖДЕНИЕ О ВЕЧНОМ МИРЕ

Проект вечного Мира, который по своему содержанию более всех прочих замыслов достоин занимать ум добродетельного человека, был также тем из всех проектов аббата де Сеп-Пьера, над которым он размышлял дольше всего и который разрабатывал с наибольшим упорством; ибо трудно назвать иначе то проповедническое рвение, которое никогда не покидало его в этом деле, несмотря на очевидную невозможность успеха, на смешное положение, в которое он ставил себя изо дня в день, и на неприятности, которые ему приходилось беспрестанно испытывать. Похоже на то, что это святое сердце, помышляющее единственно об общем благе, измеряло внимание, которое оно уделяло тем или иным вопросам, единственно степенью их полезности, никогда не позволяя себе ни останавливаться перед препятствиями, ни помышлять о личной выгоде.

Если когда-нибудь какая-либо моральная истина и была доказана, то мне представляется, что это — общая и частная польза сего проекта. Преимущества, которые были бы результатом его осуществления, и для каждого государя, и для каждого народа, и для всей Европы, огромны, ясны, неоспоримы; невозможно придумать что-либо более основательное и более точное, чем рассуждения, при помощи которых автор обосновывает эти преимущества. Создайте Европейскую Республику на один только день — этого достаточ-

но, чтобы она существовала вечно: каждый на опыте увидел бы свою личную выгоду в общем благе. Однако те же самые государи, которые защищали бы эту Республику всеми силами, если бы она существовала, точно так же воспротивились бы сегодня ее созданию, и они обязательно помешают ей утвердиться, подобно тому, как воспрепятствовали бы ее умиранию. Таким образом, сочинение аббата де Сен-Пьера о вечном Мире выглядит на первый взгляд бесполезным для создания такой Республики и излишним для того, чтобы ее сохранить. Значит, это — бесплодное мудрствование, скажет какой-нибудь нетерпеливый читатель. Нет, это — книга основательная и разумная, и то, что она существует, весьма важно.

Начнем с рассмотрения затруднений, выдвигаемых теми, кто судит о доводах не силою разума, а только по результатам, и кому нечего возразить против этого проекта, кроме того, что он не был осуществлен. В самом деле, скажут они без сомнения, если его преимущества столь существенны, почему же суверены Европы его не приняли? почему пренебрегают они своею собственною выгодою, если эта выгода им столь хорошо доказана? Слыхано ли, чтобы они к тому же отказывались от средств увеличить свои доходы и могущество? Если этот проект столь хорош, как это утверждают, то можно ли поверить, что они не поторопились его принять, как спешили принимать все те проекты, которые в течение столь долгого времени всякий раз сбивали их с пути, и что они предпочли тысячу обманчивых средств явной выгоде?

Что и говорить, это правдоподобно, если только не предполагать, что мудрость глав Государств равна их честолюбию и что они видят свои выгоды тем лучше, чем сильнее их желают; на самом же деле избыток самолюбия наказывается главным образом тем, что приходится постоянно прибегать к таким средствам, которые самолюбие оскорбляют, и сам жар страстей — это почти всегда именно то, что отвращает их от цели. Будем же, следовательно, отличать в политике, как и в морали, выгоду действительную от выгоды кажущейся. Первая заключалась бы в вечном Мире; это доказано в *Проекте*. Вторая заключается в том состоянии полной независимости, которая освобождает суверенов от власти Закона и отдает их во власть случая, подобно безумному кормчему, который, дабы проявить ненужные знания и заставить матросов повиноваться себе, вместо того, чтобы поставить корабль на якорь, предпочитает в бурю плыть между скал.

Все занятия королей или тех, на кого они возлагают обязанность делать то, что они должны делать сами, относятся только к двум целям: распространять их господство за пределы своей страны и делать его как можно более неограниченным внутри нее. Всякая другая цель либо восходит к этим двум, либо служит для них лишь предлогом. Таковы цели: *общественное благо, счастье подданных, слава нации* — слова, навсегда изгнанные из кабинетов

министров и употребляемые в публичных эдиктах столь неуклюже, что они постоянно возвещают лишь гибельные приказания, и народ стонет заранее, когда его повелители говорят ему о своих отеческих заботах.

Судите по этим двум основным принципам, как могут государи принять предложение, которое прямо противоречит первому из этих принципов и едва ли более благоприятно для второго. Ибо вполне понятно, что Европейский Сейм закрепляет форму Правления каждого Государства не в меньшей мере, чем его границы; что нельзя оградить государей от мятежа подданных, не ограждая одновременно подданных от тирании государей; и что иначе такое устройство не сможет существовать. Итак, я спрашиваю, найдется ли в целом мире хоть один-единственный суверен, который, если, так сказать, ограничить возможности осуществления самых дорогих его замыслов, потерпел бы без возмущения даже мысль о том, что ему придется быть справедливым, и притом не только к чужеземцам, но и к своим собственным подданным.

Нетрудно понять также, что война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм, с другой, взаимно помогают друг другу; что у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы; что война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе. Наконец, каждому достаточно хорошо видно, что государи-завоеватели, по меньшей мере, так же воюют со своими подданными, как и со своими врагами, и что положение победителей не лучше положения побежденных. «Я разбил римлян, — писал Ганнибал карфагенянам, — пришлите мне войск; я наложил на Италию контрибуцию — пришлите мне денег». Вот что означают *Te Deum* *, фейерверки и веселье народа во время триумфов его повелителей.

Что же до раздоров между государями, то можно ли надеяться призвать на более высокий суд людей, похваляющихся тем, что они держат власть от своего меча, и поминающих Бога лишь только потому, что Он на небе. Разве подчинятся суверены в своих спорах судебным решениям, если вся строгость законов никогда не могла заставить частных лиц разрешать свои споры таким путем? Простой дворянин, если ему нанесут оскорбление, не снисходит до того, чтобы подавать жалобу даже в трибунал маршалов Франции¹; а вы хотите, чтобы король жаловался в Европейский Сейм? И еще одно различие в том, что один из них грешит против законов и подвергает свою жизнь двойной опасности, тогда как другой подвергает опасности лишь своих подданных; берясь за оружие, он прибегает к праву, признанному всем человеческим родом, за использование которого он притязает держать отчет перед одним только Богом.

* Тебя Бога [славим] (лат.).

Титульный лист первого русского
перевода работы Ж.-Ж. Руссо
«О вечном Мире». С.-Петербург, 1771

Государю, который подвергает свое дело случайностям войны, известно, что он подвергается риску; но он видит не столько этот риск, сколько те выгоды, которые он надеется приобрести, потому что он гораздо меньше боится слепого случая, чем уповает на свою собственную мудрость. Если он могущественен, он рассчитывает на свои силы; если он слаб, он рассчитывает на союзы; иногда ему полезно успокоить недовольных внутри страны, ослабить непокорных подданных, даже испытать превратности судьбы; а ловкий политик умеет извлекать выгоду даже из своих собственных поражений. Я надеюсь, что читатель будет помнить, что так рассуждаю не я, а придворный софист, который предпочитает власть над большой территорией и немногими подданными, бедными и покорными, той неколебимой власти, которую дают государю правосудие и законы над народом счастливым и процветающим.

И опять-таки на основе того же принципа этот придворный софист отвергает такие доводы против войны, как прекращение торговли, сокращение населения, расстройство финансов и действительные убытки, вызываемые бесполезными завоеваниями. Исчислять всегда в деньгах приобретения и убытки суверенов — это расчет весьма ошибочный; степень могущества, которое они видят мысленно перед собою, никак не измеряется миллионами, которыми они обладают. Государь всегда пускает в ход свои проекты; он хочет повелевать, чтобы обогатиться и обогатиться, чтобы повелевать. Он будет жертвовать поочередно то одною из этих целей, то другою, чтобы достигнуть той из них, которой он не достиг: но он преследует эти две цели в отдельности лишь для того, чтобы, в конце концов, достигнуть и той и другой в сово-

10 Ж.-Ж. Руссо

СОКРАЩЕНІЕ,

сдѣланное

ЖАНЪ ЖАКОМЪ РУСО,

Женевскимъ гражданиномъ,

изъ проекта

О ВѢЧНОМЪ МИРѢ,

сочиненнаго господиномъ Абатомъ

Де-Сент-Пьеромъ.

Переведено съ Французскаго

Цѣна 20 коп.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ,

1771 года.

купности; ибо для того, чтобы стать господином и людей, и вещей, ему нужно обладать одновременно и властью и деньгами.

Добавим, наконец, в отношении тех великих преимуществ, которые общий и вечный мир должен принести торговле, что эти преимущества достоверны и неоспоримы сами по себе, но, будучи общими для всех, они не будут ощутимы ни для кого в отдельности; потому что такие преимущества ощущаются лишь постольку, поскольку они не одинаковы для всех, и потому, что для увеличения своего относительного могущества нужно стремиться лишь к благам для одной стороны.

Непрестанно обманываясь видимостью вещей, государи, следовательно, отвергли бы этот мир, если бы они сами взвесили свои интересы; что же будет, если они предоставят делать это своим министрам, чьи интересы всегда противоположны интересам народа и почти всегда — интересам государя? Министрам война нужна для того, чтобы сделаться необходимыми, ставить государя в затруднительные положения, из которых он не мог бы выйти без их помощи, и, если потребуется, погубить Государство, лишь бы только не погубить свою карьеру; война необходима им для того, чтобы притеснять народ под предлогом удовлетворения общественных нужд; для того, чтобы выдвигать своих ставленников, наживаться на рыночных спекуляциях и втайне создавать тысячи отвратительных монополий; война необходима им для того, чтобы удовлетворять свои страсти и вытеснять друг друга; война необходима им для того, чтобы захватить в свои руки государя, вырывая его из придворного окружения, когда там ведутся против них опасные интриги. Они потеряли бы все эти возможности при установлении вечного мира. И люди еще не перестают спрашивать, почему этот проект не принят, коль скоро он осуществим! Они не видят, что в этом проекте нет ничего невозможного, кроме того, что министры не могут его принять. Что же сделают они, чтобы помешать принять этот проект? То же, что делали всегда: они выставят его в смешном виде.

Не следует также полагать, подобно аббату де Сен-Пьеру, что даже при наличии доброй воли, которой ни у государей, ни у их министров не будет никогда, легко найти благоприятный момент для осуществления этой системы; ибо для этого необходимо, чтобы сумма частных интересов не преобладала над общим интересом и чтобы каждый рассчитывал найти в благе всех то наибольшее благо, на которое он может надеяться для самого себя. А это требует такого совпадения мудрых решений в стольких умах и такого согласия во взаимоотношениях и интересах, что едва ли можно надеяться на счастливый случай, который сам принесет совпадение всех этих необходимых предпосылок. Между тем, если этого совпадения нет, то заменить его может лишь сила: и тогда надо уже не убеждать, а принуждать; и нужно не писать книги, а собирать полки.

Таким образом, хотя проект этот и был весьма мудрым, в выборе средств его осуществления сказывалось простодушие автора. Он попросту считал, что

было бы достаточно собрать Конгресс, представить этому Конгрессу его статьи — чтобы сразу же все их подписали, и все этим было бы сделано. Согласимся же, что во всех своих проектах этот честный человек довольно хорошо видел результаты, к которым они приведут, но судил, как дитя, о средствах их осуществления.

Для того, чтобы доказать, что проект Христианской Республики не есть химера, я хотел бы только назвать первого автора такого проекта: ибо очевидно, что ни Генрих IV не был сумасшедшим, ни Сюлли — фантазером². Аббат де Сен-Пьер ссылаясь на этих великих людей, когда предлагал возродить их систему. Но сколь различны времена, обстоятельства, предложения, способы, которыми они были сделаны, и сами их авторы!

Чтобы судить об этом, бросим взгляд на общую обстановку в момент, избранный Генрихом IV для осуществления своего замысла. Могущество Карла Пятого³, который господствовал в одной половине мира и заставлял дрожать вторую, побуждало его стремиться к всемирной монархии, полагаясь на имевшиеся в его распоряжении огромные средства для достижения успеха и на огромные дарования, которые он мог использовать для этой цели. Его сын⁴, более богатый и менее могущественный, следуя беспрестанно этому плану, который он был не в состоянии осуществить, таким образом, непрерывно держал Европу в состоянии беспокойства; и австрийская династия⁵ приобрела такое влияние на другие Державы, что ни один государь не царствовал спокойно, если он не был с нею в хороших отношениях. Филипп III⁶, еще менее искусный король, чем его отец, получил в наследство все эти притязания. Испанское могущество все еще внушало некоторый почтительный страх Европе, и Испания продолжала занимать господствующее положение скорее потому, что к такому положению привыкли, нежели потому, что она обладала достаточной силой, чтобы держать всех в повиновении. В самом деле, мятеж в Нидерландах⁷, военные приготовления для борьбы с Англией⁸, гражданские войны во Франции — все это истощило силы Испании и сокровища Индии; австрийский дом, разделенный на две ветви⁹, не действовал уже столь согласованно; и хотя император пытался сохранить или завоевать себе в Германии такой авторитет, каким обладал Карл Пятый, он лишь отталкивал от себя государей и содействовал образованию лиг, которые чуть не свергли его с трона. Так задолго подготавливались упадок австрийского дома и восстановление свободы для всех государей. Однако никто не решался первым сбросить иго и в одиночку подвергнуться риску войны; пример самого Генриха IV, которому пришлось в ней столь худо, лишил мужества всех остальных. К тому же, если исключить герцога Савойского¹⁰, который был слишком слаб и зависим, чтобы он мог что-либо предпринять, среди стольких глав Государств не было ни одного человека с головою, который был бы в состоянии задумать и осуществить такое предприятие; каждый ждал, чтобы время и обстоятельства позволили ему разбить свои

оковы. Вот каково было, в общих чертах, положение, когда Генрих задумал план образования Христианской Республики и готовился привести его в исполнение. То был проект великий, весьма заслуживающий восхищения сам по себе, и я ни в коей мере не хочу умалить его достоинства; но тайною основою его была надежда ослабить грозного врага, и потому он приобрел от сей побудительной причины ту действительность, которую он получил бы едва ли от одного только стремления к общей пользе.

Посмотрим теперь, какие средства этот великий человек употребил, чтобы приготовить столь возвышенное предприятие. Я охотно назову здесь, в первую очередь, то, что он хорошо видел все трудности; так что, задумав сей проект уже в детстве, он обдумывал его в течение всей своей жизни и отложил его осуществление до самой своей старости: такое благоразумие доказывает прежде всего наличие стремления и пылкого и сдерживаемого, которое в трудных делах одно только в состоянии преодолеть значительные препятствия; и, кроме того, наличие мудрости и терпеливой и рассудительной, что задолго прокладывает себе путь силою предусмотрительности и подготовки. Ибо велико различие между начинаниями необходимыми, в которых само благоразумие требует предоставить кое-что воле случая, и теми начинаниями, оправдать которые может лишь их успех, потому что, если мы можем обойтись и без них, то должны пытаться их совершить только тогда, когда действуем наверняка. Глубокая тайна, в которой он хранил это предприятие в течение всей своей жизни, была так же важна, как и трудна в столь великом деле: необходимо было содействие стольких людей, и стольким людям было выгодно помешать этому предприятию. Представляется, что хотя он и привлек на свою сторону большую часть Европы и состоял в союзе с самыми могущественными властителями, у него было все время лишь одно доверенное лицо, знавшее его план полностью; и по счастью, ниспосланному небом лишь наилучшему из королей, этим лицом был неподкупный министр. И пока еще в народе ничего не было известно об этих великих замыслах, все подвигалось в тайне к их осуществлению. Дважды ездил Сюлли в Лондон: с королем Яковом¹¹ начались переговоры, и король шведский¹² обещал поддержку со своей стороны; был заключен союз с немецкими протестантами¹³, и можно даже было быть уверенными в содействии государей Италии¹⁴; все способствовало осуществлению этой великой цели, не будучи в состоянии сказать, какова она, подобно тем рабочим, которые трудятся каждый в отдельности над частями новой машины, форма и назначение которой им неизвестны. Что же благоприятствовало такому общему движению? Был ли то вечный мир, которого никто не ожидал и за который немногие стали бы ратовать? Была ли то общественная польза, которая никогда не бывает пользою для кого-либо одного? Аббат де Сен-Пьер мог бы на это надеяться. Но на самом деле каждый действовал лишь в видах собственной своей пользы, которую Генрих IV умел им всем показать в весьма выгодном свете. Королю

Англии нужно было избавиться от непрерывных заговоров католиков¹⁵ в своем королевстве, которых постоянно подбивала к тому Испания. Он, кроме того, видел превеликую выгоду в освобождении Объединенных провинций¹⁶, поддерживать которые стоило ему весьма дорого, причем эта поддержка приводила его ежедневно на грань войны, а войны этой он страшился или же предпочитал внести в нее свой вклад когда-нибудь, один раз, вместе со всеми остальными, чтобы навсегда от нее избавиться. Король Швеции хотел обеспечить себе владение Померанией¹⁷ и утвердиться в Германии. Курфюрст Пфальца, который был тогда протестантом и главою Аугсбургского исповедания¹⁸, имел виды на Богемию¹⁹ и разделял притязания короля Англии. Государям германским нужно было пресечь несправедливые захваты австрийского дома. Герцог Савойский получал Милан и Ломбардскую корону²⁰, которой он страстно домогался. Сам папа, устав от испанской тирании, присоединился к союзу, когда ему было обещано Неаполитанское королевство. Голландцам, которые получали больше, чем все остальные, обеспечивалась свобода. Наконец, кроме общей заинтересованности в унижении высокомерной Державы, что желала господствовать повсюду, у каждого была частная заинтересованность, весьма сильная, весьма ощутимая, которую ни в какой мере не подрывала боязнь попасть из-под власти одного тирана под власть другого, потому что было условлено, что завоевания будут разделены между всеми союзниками, за исключением Франции и Англии, которые не имели права оставить что-либо за собою. Этого было достаточно, чтобы успокоить тех, кто более всего опасались честолюбивых замыслов Генриха IV. Но этому мудрому государю было известно, что, не оставляя себе ничего по этому соглашению, он, тем не менее, получал от него больше, чем кто-либо иной. Ибо, хотя он ничего не добавлял к тому наследию, которое получил, ему достаточно было разделить наследие единственного государя, превосходившего его своим могуществом, чтобы стать самому наиболее могущественным; и всем было отчетливо видно, что, приняв все предосторожности, которые могли обеспечить успех этого предприятия, он не пренебрег и теми мерами, которые давали ему первенство в том сообществе, которое он хотел создать.

Больше того, его приготовления вовсе не ограничивались образованием грозных внешних лиг и заключением союза с его соседями и соседями его врага. Заинтересовав столько народов в унижении первого властителя Европы, он не забывал одновременно готовиться, чтобы самому стать таковым. Он потратил пятнадцать лет мира на то, чтобы достойно подготовиться к тому начинанию, которое задумал. Он наполнил свои сундуки деньгами, свои арсеналы — артиллериею, оружием, боевыми припасами; он задолго подготовил средства на непредвиденные нужды. Но он сделал, безусловно, больше того, мудро управляя своими подданными, незаметно искореняя семена раздоров и приведя свои финансы в столь большой порядок, что они могли обеспечить ему все необходимое, без того, чтобы ему пришлось наложить новое бремя

на своих подданных. Так что, обеспечив внутренний мир и оставаясь грозным для внешних врагов, он оказался в состоянии вооружить и содержать шестьдесят тысяч человек и двадцать военных кораблей, покидать свое королевство, не оставляя в нем ни малейшего источника смут, не трогая своих обычных доходов и не облагая свой народ ни одним су новых налогов.

Добавьте к стольким приготовлениям для осуществления этого предприятия то же рвение и благоразумие, с какими оно было задумано, как со стороны его министра, так и с его стороны. Наконец, во главе военных экспедиций — такой предводитель, как он сам, тогда как у его противника не было уже полководца, который мог бы ему противостоять, и вы можете судить, что у него было все, что может предвещать счастливый исход, чтобы преуспеть. Не постигая его намерений, Европа, внимательно наблюдавшая за его огромными приготовлениями, с некоторым страхом ожидала их результата. Малейший повод привел бы к началу этого великого переворота; война, которая должна была быть последней, подготавливала бессмертный мир, когда событие, роковая тайна которого должна была навести на Европу еще больший ужас, уничтожило последнюю надежду на мир. Удар кинжала²¹, сбравший жизнь этого доброго короля, вновь погрузил Европу в вечные войны, и теперь у нее уже не может быть надежды на то, что они когда-нибудь прекратятся. Как бы там ни было, — вот средства, которые Генрих IV сосредоточил, чтобы осуществить то установление, которое аббат де Сен-Пьер тщетно желал создать при помощи одной лишь книги.

Пусть же не говорят, что если его система не была принята, то потому, что она не была хороша; пусть говорят, напротив, что она была слишком хороша, чтобы быть принятой. Ибо порок и злоупотребления, из которых извлекает выгоду множество людей, распространяются сами собой; но то, что полезно для всего общества, почти никогда не осуществляется иначе, как силой, ибо частные интересы почти всегда этому противятся. Без сомнения, вечный мир в настоящее время — это проект совершенно бессмысленный; но пусть нам отдадут Генриха IV или Сюлли, — и вечный мир окажется разумным проектом. Или лучше давайте, отдав дань восхищения столь прекрасному плану, утешимся тем, что никогда не увидим его осуществленным: ибо это может быть совершено лишь при помощи средств, насильственных и опасных для человечества.

Никому не приходилось видеть, чтобы союзные лиги образовывались иначе, как при помощи переворотов, и, основываясь на этом, кто из нас решится сказать, следует ли желать или страшиться создания такой европейской лиги? Она, быть может, сразу принесла бы зла больше, чем удалось бы предупредить с ее помощью на века вперед.